

МЕТОД
ЖЕНЩИНЫ
ДЕТЕКТИВ
КАЛИНЫ
РОМАШОВОЙ

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	С первого взгляда
Встретимся в другой жизни	Второй подарок судьбы
Я – его алиби	Зеленые глаза викинга
Девушка с секретом	Тайна, приносящая смерть
Блудница поневоле	Цвет мести – алый
Неплохо для покойника	Не доставайся никому!
Стервами не рождаются!	Чужая жена — потемки!
Дожить до утра	Возвращаться – плохая примета
Крестный папа	Врачебная тайна
Ничто не вечно под луной	Призрак другой женщины
Миллион причин умереть	Тайну хранит звезда
Рыжая-бесстыжая	Семь лепестков зла
Охотники до чужих денег	Свидание на небесах
Мужей много не бывает	Ведьма отмщения
Ты у него одна	Программа защиты любовниц
Любитель сладких девочек	Кинжал в постели
Игры в личную жизнь	Гнев влюбленной женщины
Черт из тихого омута	Лучший день в году
Обмани меня красиво	Нирвана для чудовища
Старая тайна, новый негодяй	Незнакомка с тысячью лиц
Миллионерша поневоле	Последнее прибежище негодяя
Внимание: неверный муж!	Счастье с третьей попытки
В любви брода нет	Подвенечный саван
Последняя ночь с принцем	Заключение счастья
Осколки ледяной души	Торговка счастьем
Счастье по собственному желанию	Амур с оптической винтовкой
Любвеобильный джекпот	Месть Спящей красавицы
Длинная тень греха	Демон ревности
Личное дело соблазнительницы	Преступно счастливая
Большие проблемы	Изменница поневоле
маленькой блондинки	Закон сильной женщины
Красотка печального образа	Без вины преступница
Ночь с роскошной изменницей	Пленная птица счастья
Окно в Париж для двоих	Ничего личного, кроме боли
Лицензия на харру end	Заговор обреченных
Черная корона	Узнай меня
Рыцарь чужой мечты	Заповедник потерянных душ
Демон искушения	Ангел мщения
Грешница в шампанском	Первый шаг к пропасти
Принцип Отелло	Вкус запретного плода
Исполнительница темных желаний	Исповедь обманутой жены
Жизнь нежна	Свидетельницы зла
Мода на чужих мужей	Королева отшельников
Пока смерть не разлучит нас	Игры небожителей
Завтра не наступит никогда	Грех с ароматом полыни
Пять минут между жизнью и смертью	Кукла-любовь
Любовь окрыляет	Позови ее по имени
Единственная моя	

ГАЛИНА РОМАНОВА
ПОЗОВИ ЕЕ ПО ИМЕНИ

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *К. Гусарева*

Редактор серии *А. Антонова*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Позови ее по имени : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-116049-4

Майор полиции Дарья Гонителева всегда была настоящим профессионалом своего дела. Но сейчас она сама оказалась свидетелем преступления и родственницей жертвы! Смерть настигла самого близкого Даше человека — убили ее мать, жестоко и безжалостно. Дарья никак не могла поверить в случившееся, но нашла в себе силы и провела все следственные мероприятия, опросила очевидцев — только чтобы найти негодяя, заставившего ее испытать такое. Никаких улик, никаких зацепок, очередной «глухарь» — но Гонителева не остановится, пока не найдет убийцу...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2020

ISBN 978-5-04-116049-4

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ШАВА 1

Мощные струи дождя молотили по подоконнику. Она остановилась у окна, пытаясь рассмотреть сквозь запотевшее стекло улицу. Провела по нему ладонью, оставив неровный след. Всмотрелась в сгустившиеся сумерки.

Мокрая улица зябла под порывами северного ветра. Глубокие лужи пузырились, словно вскипевшее дьявольское варево. Завтра по двору пройти будет невозможно. Придется доставать резиновые сапоги с антресолей. А там ли они? Не забыла ли она их на даче, быстро собравшись после экстренного звонка в конце августа?

Ее лоб пошел морщинами от воспоминаний. Не помнит. Ничего не помнит из того дня, кроме звонка от маминой соседки, которая сообщила...

Которая сообщила...

Глаза зажгло огнем, опалившим душу.

Она на мгновение перестала видеть и дышать, вернувшись в тот страшный день.

— Даша, приезжайте скорее, — запыхавшимся голосом попросила старушка Ильинова, жившая с ее мамой на одной лестничной клетке. — У нас беда!

— Какая беда?

Даша раздраженно закатила глаза, заправила за ухо выползшую из-под косынки прядь жестких во-

лос, потопталась возле клумбы с гортензией. Перчатки она пока не снимала. Она все еще думала, что беда случилась или с кошкой соседки, а это подождет, или со смесителем в ванной, он подтекал последние две недели и требовал срочного ремонта или замены. Здесь достаточно было звонка дежурному слесарю. У нее и в мыслях не было начинать тревожиться.

— Беда с вашей мамой — Ниной Васильевной, — выпалила старушка Ильинова.

— Что? — Вот тут она насторожилась, да. — Что с мамой?

— Ее... Ее кто-то...

И повисло молчание.

Даша даже подумала, что старушка Ильинова отключилась. Может быть, мама на нее шикнула, потирая ушибленный бок. Или соседка вдруг вспомнила, что все напутала. И происшествию, о котором она собиралась рассказать Даше, уже более двух лет. Оно просто всплыло в старческой памяти и показалось реальностью. И теперь бедная старая женщина стоит, испуганно тараща глаза на соседку — на Дашину маму, и не знает, что сказать.

Но Ильинова не отключилась. И ничего не напутала. Она громко судорожно вздохнула и произнесла:

— Ее кто-то убил, деточка!

— Убил... — повторила она за ней.

Просто повторила эхом, без вопроса.

— Да. Убил.

Голос старушки сделался невнятным, слабым, вот-вот исчезнет. И Даша заторопилась, заорала в трубку:

— Как убил?! Когда?! Этого не может быть! Я час назад с ней разговаривала.

• *Позови ее по имени* •

— Час назад и я с ней разговаривала, — осерчала Ильинова и шикнула на кого-то. — А сейчас тут полно полиции. И врачей. Только они уж не помогут. Нина Васильевна мертва.

Мертва! Но это мог быть инсульт, инфаркт, да что угодно! Почему сразу убили?! Почему ее маму вдруг убили?! Что там с Клавдией Ивановной не так? Она заговаривается?!

— Послушайте, Клавдия Ивановна, дайте трубку кому-нибудь из полицейских. Если они там, конечно, — зачем-то ехидно добавила она, и ее рот дернулся в неуверенной ухмылке.

Может, все же Ильинова сошла с ума на старости лет, а? Может, все же...

— Алло! Дарь Дмитривна, здрасте, у нас беда. Убийство, — обрушилась на нее правда смущенным голосом капитана Скачкова. — Знаю, у вас выходной. Вы на даче. Но... Вам надо срочно приехать.

— Еду, — оборвала она его, испугавшись, что он примется перечислять ей подробности с места происшествия, с места убийства ее матери. — Я уже еду.

И что? Разве могла она запомнить: взяла она с дачи резиновые сапоги или нет? При таких-то обстоятельствах?

Она не помнила, как за рулем доехала до города. Чудо, что не попала в аварию. Дороги она точно не видела от слез. Ехала по памяти. По памяти прошла по двору, с кем-то здоровалась на ходу. Поднялась в лифте на четвертый этаж. Встала у распахнутой настежь двери. И до боли прикусила губу.

Это запомнилось, потому что ее тут же затошнило от сладковато-прииторного вкуса крови, заполнившего рот.

Галина РОМАНОВА

«Не хватало мне еще облеваться на пороге маминой квартиры», — подумала она тогда. И сердито одернула себя. Она не простой обыватель. Она не рядовой гражданин, столкнувшийся с горем. Она — майор полиции Дарья Дмитриевна Гонителева. Она сильная. Она обязана быть сильной. Она профессионал. У нее нет права и времени на истерику. Ей надо было собраться.

Странно, но вышло. Вместе с капитаном Скачковым, без конца печально вздыхавшим у нее за спиной, она снова и снова осматривала место преступления. Она строила версии. Она сама лично пошла по квартирам подъезда. Потом перебралась в другой подъезд, третий. Она мучила людей вопросами. Она недоверчиво хмыкала. Она подозревала каждого второго в неискренности. Она наорала на бедную старушку Ильинову и довела ее до слез. Она не пошла проводить носилки с телом матери до машины скорой. Она осталась с экспертами, которые искали следы, отпечатки. Потом она лично обшарила весь двор в поисках улик. Скачков был рядом. Она отдавала указания четким ровным голосом.

У нее почти вышло не обнажить пульсирующую болью душу. Ее слушались. Согласно кивали. И даже не переглядывались многозначительно, чего она страшно боялась. Все было почти как всегда. И они уже почти заканчивали, когда приехал ОН.

Она почувствовала его приближение, еще когда он выходил из лифта. Не по запаху одеколона. Он не терпел парфюма. Не по громким шагам. Он всегда передвигался неслышно. Она просто почувствовала его приближение. Потому что уже два года чувствовала этого человека, как никто другой. Потому что

• *Позови ее по имени* •

два года назад у них случилась интрижка, которая переросла потом в нечто большее, чем просто секс.

Полковник Зайцев вошел в квартиру ее матери, негромко поздоровался. И, не глядя на нее, спросил у Скачкова:

— Почему пострадавшие находятся на месте преступления, капитан?

Володин взгляд испуганно заметался между нею и полковником. Знал ли он об их тайной связи, нет? Или просто счел невозможным такое отношение лично к ней — Дарье Гонителевой, профессионалу до мозга костей.

Он ничего не ответил. А Зайцев — черствый козел — проехался по ней отсутствующим взглядом и коротко приказал:

— Убрать отсюда посторонних.

Вот в тот момент все и случилось. Она перестала быть профессионалом. Она превратилась в простого гражданина, простую бабу, страшно осиротевшую и имеющую право на выплеск боли.

Она завывала, когда капитан Скачков попытался вывести ее из квартиры. Страшно завывала, по звериному. Она начала оседать на пол, когда он взял ее за руку и повел к двери. Она принялась рыдать, когда он брезгливо поморщился и снова приказал Скачкову убрать ее с места преступления.

— Дарь Дмитривна, ну, пожалуйста, пойдемте, — молил ее капитан. — Ну, не тащить же мне вас силой!

Бедному капитану не пришлось с ней драться. На пороге квартиры ее взгляд зацепился за брызги крови, рассеянные по стенам прихожей ее матери, и все — темнота. На этом конец. Она впала в кому.

В беспамятстве она пробыла больше недели. За это время она потеряла ребенка, о котором никто до

этого дня, кроме нее, не знал. Даже мама. Без нее ее похоронили. Нагрянули какие-то двоюродные тетки, дядьки, кузены, которых Даша всегда считала ох-ламонами. Родственники посоветовались и сочли, что негоже держать тело без положенного погребения. Мало ли! Может, Дарья так и не очнется! И сойдет следом за матерью. Что же месяц ждать?

Она очнулась. И тайно сказала им спасибо за то, что они так решили. Похороны она бы точно не пережила.

После того как она пришла в себя, ее еще десять дней продержали в больнице. Лечили лекарствами, разговорами с психологом, диетическим питанием, норотившим выскочить обратно. Выписали как-то вдруг и сразу. Пришел доктор под вечер и сказал, что она может идти домой.

— Прямо сейчас? — она приподнялась на локтях на кровати.

— Да. Прямо сейчас.

— А выписка? А больничный лист? — Она же знала порядки. — Печать и все такое?

— Я все приготовил еще с утра. Правда, немного сомневался. Наблюдал вас день. Вы в порядке. Собирайтесь. Вас встречают.

Сердце ёкнуло и забилося. Во рту сделалось сухо-сухо. А глазам горячо-горячо.

Зайцев! Это точно он! Потому и продержали ее до самого вечера, не отпустили днем. Чтобы он мог ее забрать сам, задать несколько вопросов и сообщить, что им больше нельзя встречаться. Что и так уже слухи поползли, когда узнали, что она была беременна.

Даша медленно натянула джинсы, поразившись, с какой легкостью они сошлись на талии. Ей сообщал

• *Позови ее по имени* •

медперсонал, что она сбросила пять килограммов за время пребывания на больничной койке. Ругали за то, что она почти ничего не ест. Они просто не знали, что она вошла в весовую норму, потеряв ребенка. Она набрала вес, потому что ела как не в себя последний месяц.

Надела джемпер, самый свой нелюбимый — коричневым ромбиком. Интересно, кто догадался его принести? Зайцев его тоже терпеть не мог. Обула кроссовки, взяла в руки ветровку и отощавшую спортивную сумку, в которой до этого были вещи. И пошла на выход.

Ее встречал не Зайцев. Глупо было думать так. Он бы не посмел так светиться. Идиотка!

Ее встречал двоюродный брат Гришка, один из двух охламонов, взявших на себя смелость похоронить тетку в отсутствие дочери.

Он стоял на улице у входа. Даша едва не споткнулась об него, выходя из дверей. Он почти не изменился за минувшие семь лет — тогда они в последний раз виделись. Все такой же: длинноволосый, щетинистый, наглый. Только теперь он выбрался из потертой джинсы, переодевшись в тонкую дорогую кожу. Громыхавшую на каждой кочке старенькую иномарку он поменял на дорожный байк. Да и еще набил себе тату на шее чуть ниже левого уха.

— Привет, — поздоровалась Даша, глянув на шлем в его руке. — Если ты думаешь, что я с тобой поеду на байке, то ты ошибаешься. Вызови мне такси.

— Привет, сестренка, — сильно растягивая гласные, проговорил Гришка. И мотнул кудрявой башкой. — Я не думал. И такси не нужно вызывать. Я перегнал твою тачку сюда. Давай сумку.

Она покосилась, промолчала. Отдала ему тощую сумку, веса в которой было всего ничего. Пошла за ним следом к автомобильной стоянке, на ходу рассматривая двоюродного брата.

Зачем он здесь? Что ему от нее нужно? Почему до сих пор не уехал? Ее мать похоронили больше недели назад. В чем подвох?

Гришка помог ей усесться за руль. Швырнул ее сумку на заднее сиденье.

— Я поеду следом за тобой. Сильно не гони, — не попросил, потребовал он. — Едем к тебе домой.

Будто у нее были варианты! Квартиру своей матери она еще не скоро посетит. Очень не скоро. Брызги крови на светлых обоях в прихожей еще долго будут снится ей.

Они быстро доехали до ее дома. Пробок не было.

Старый дом в три этажа в спальном районе ей понравился с первого взгляда. И она больше не пожелала слушать риелтора, сразу зацепилась за это предложение.

Толстые кирпичные стены, широченные подоконники, огромные окна. В той трешке, которую она купила очень выгодно, когда-то была коммуналка. И ей пришлось долго ее реставрировать, пытаясь выкурить дух коллективного проживания. Вышло долго и недешево. Все то время, пока шел ремонт в ее квартире, она жила с мамой. И теперь проклинала свою радость от новоселья. И спешку, с которой собирала вещи, намереваясь съехать поскорее.

Пожила бы подольше, может, и беды бы не было.

— Чушь, Дашка, — вывернул губы Гришка за ужином, который приготовил собственноручно. — Тетю Нину убили, когда ты была на даче. Даже ес-

• *Позови ее по имени* •

ли бы вы и жили вместе, на дачу ты все равно бы ездила. И убийца выбрал бы время, чтобы ее уничтожить.

Охламон совершенно не парился, выражения не выбирал, то есть щадить ее не собирался. Она хотела обидеться, но потом передумала. Толку? Он всегда был таким: прямолинейным до бестактности.

— Ты чего не уехал? — поинтересовалась она между второй и третьей рыбной фрикаделькой.

— Поживу пока, — ответил Гришка туманно и обвел взглядом ее огромную кухню. — Клево у тебя, Дашка.

— Ты что, здесь собрался жить? — Ее лицо вытянулось. — Не-ет, Гриша. Ни за что! У меня ты жить не будешь.

— Не здесь, Дашка. Мы всегда с тобой были как два паука в банке, так и станем жалить друг друга. — Его рот растянулся в ухмылке. — Я у тети Нины в квартире поживу.

В памяти тут же всплыли забрызганные кровью обои. Лужа крови на паркете. К горлу подкатила тошнота.

— Я там затеял небольшой ремонт в прихожей, Даш. — Гришка, как всегда, правильно понял ее настроение. — Я все меняю: обои, паркет. Не думаю, что ты будешь против.

— А если да? А если я против? — Она отодвинула тарелку с рыбными фрикадельками. — Почему ты распоряжаешься квартирой, которая по праву принадлежит теперь мне? Кто дал тебе право?

— Тетя Нина. — Он хмуро глянул в ее тарелку. — Не понравилось? Блин... Я старался. Французский повар утверждал, что...

— Что — тетя Нина? — передразнила она его.

— Она завещала эту квартиру мне. Не через нотариуса, конечно. Она как-то в телефонном разговоре с моей матерью обмолвилась.

— О чем?

— Ну... Что хотела, чтобы я переехал в ее квартиру, когда ее не станет. У Дашки, мол, теперь своя квартира. Большая. А у Гришки — то есть у меня — нет жилья.

— Это она так сказала? — не поверила Даша.

— Она. — Он выдержал ее подозрительный взгляд.

— Не ты только что придумал, нет? Почему мне об этом ничего не известно?

— Да иди ты, Дашка!

Он вспыхнул, вскочил с места и принялся убирать со стола. Потом застыл у раковины, принявшись мыть посуду.

Гришка, как приехали, снял с себя байкерский кожаный костюм, оставшись в трикотажном черном термобелье. Очень худой. Со спины он напоминал бы подростка, если бы не рост метр девяносто два и не широкие угловатые плечи. И не крепкие мышцы, облепившие его кости.

Почему в тот самый час, рассматривая его со спины, она не почувствовала себя защищенной? Почему она до сих пор не чувствует себя защищенной рядом с ним?

«Он появился в моей жизни неспроста», — подумала она тогда, наблюдая за игрой его мускулатуры под плотным черным трико. Что-то было не так. Какой-то подлый интерес таился в его желании помочь ей.

С того вечера прошло семь месяцев, и ничего не поменялось.

• *Позови ее по имени* •

Его присутствие внушало ей опасность. Только вот природу этой опасности она до сих пор не могла распознать. Никак у нее не выходило.

ШАВА 2

Пот заливал ему глаза. Кулаки болели. Мышцы спины сводило от напряжения. Но он продолжал отжиматься, упираясь в пол крепко сжатыми кулаками. По стеклам просторной лоджии, где он организовал себе тренажерную комнату, барабанил дождь. Это раздражало, отвлекало, сбивало со счета. Он должен сегодня отжаться сто раз. Вчера не дотянул, сдулся на счете — семьдесят восемь.

Упал на живот. Перекатился на спину. И десять минут лежал, рассматривая матовый натяжной потолок со встроенными светильниками.

В голове было пусто, ни единой мысли. Только злость на себя. Неудовлетворенность результатом.

Сегодня он должен добить сотку. Иначе еще один день он профукал. А он страшно не любил недовольство самим собой. Это выбивало из привычного ритма. Это заставляло хмуриться, срываться на подчиненных, близких, жене.

Вспомнив о жене, он замер на вытянутых руках и попытался отдышаться.

Идиот!

Сколько раз обещал себе не думать о ней, когда занимается! Сколько раз обещал себе не думать о ней вообще, когда ее нет рядом. Это мешает заниматься, работать. Это мешает ему жить, мать твою!

Он зажмурился, глубоко подышал и продолжил. Восемьдесят девять... Девяносто... Девяносто один...